

Оригинальная статья/Original article

УДК 81'32

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.147-159>**Квантитативная специфика
мемориальных урбанонимов Калининградской области****О.В. Петешова***Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия**Opeteshova@kantiana.ru***Аннотация**

В настоящей статье на основе семантических параметров, поддающихся количественному описанию, выявлены отличительные признаки системы мемориальных урбанонимов, которая сложилась в городах Калининградской области в результате сплошных послевоенных переименований, по сравнению с усредненной моделью мемориальной урбанонимии в городах Центрального федерального округа, полученной с применением методов лингвостатистики. Установлен факт близости систем по отношению друг к другу, которая выражается, например, в одинаковой частотности посвящений политическим деятелям и писателям, а также событиям досоветской истории страны. Сделан вывод о том, что наиболее яркими особенностями названий калининградских улиц являются большое количество посвящений деятелям искусства, в частности композиторам, и крайне низкая доля посвящений местным жителям.

Ключевые слова: мемориальный топоним, урбаноним, переименование, квантитативная лингвистика, лингвостатистика, Калининградская область, Центральный федеральный округ

Для цитирования: Петешова О.В. Квантитативная специфика мемориальных урбанонимов Калининградской области // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2026. Т. 168, кн. 3. С. 147–159. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.147-159>.

**Quantitative features
of memorial urbanonyms in the Kaliningrad region****O.V. Peteshova***Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia**Opeteshova@kantiana.ru***Abstract**

Based on the analysis of semantic parameters that can be quantified, this article examines the system of memorial urbanonyms in the Kaliningrad region, which developed as a result of the large-scale renaming in the aftermath of World War II, and compares it with an average model of memorial urbanonymy in the Central Federal District of Russia, derived using the methods of linguistic statistics. The results indicate that the two naming systems are generally similar to each other. Particularly, they show comparable numbers

of dedications to politicians, writers, and events from the country's pre-Soviet history. In the Kaliningrad region, the street names honoring artists, especially composers, prevail, whereas the dedications to local residents are extremely rare.

Keywords: memorial toponym, urbanonym, renaming, quantitative linguistics, linguistic statistics, Kaliningrad region, Central Federal District

For citation: Peteshova O.V. Quantitative features of memorial urbanonyms in the Kaliningrad region. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2026, vol. 168, no. 3, pp. 147–159. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.147-159>. (In Russian)

Введение

Понятие мемориальной культуры включает в себя все те инструменты, с помощью которых воспринимаются, обрабатываются и хранятся социальные смыслы, передаваемые из прошлого в настоящее для последующей трансляции в будущее. К числу жанров мемориальной культуры традиционно относятся архитектурно-скульптурные монументы, храмы, часовни, надгробия и мемориальные комплексы¹. С позиции лингвистики приведенный список дополняется названиями-посвящениями, то есть номинациями мест, увековечивающими память о значимых для общества людях, их объединениях и исторических событиях [1, с. 168]. В ономастических работах, где изучаются различные топонимические модели, определяемые принципами номинации географических объектов, подобные топонимы зачастую также называются мемориальными [2, с. 89], тем более что в реальности они нередко дополняются прочими знаковыми формами мемориального характера, например памятными досками или скульптурами [3, с. 15].

Внедрение мемориальных топонимов, как правило, обусловлено желанием использующего их сообщества подтвердить чувство своего единства, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к событиям прошлого или к их репрезентации. При этом долгое время факты сознательного закрепления памяти о прошедшем в географических названиях были точечными, и предпочтение отдавалось идеологически нейтральным названиям.

Факты «признания заслуг» через топонимы стали массовыми только после революции 1917 г., когда в связи с коренной ломкой социально-экономических отношений новая власть начала избавляться от географических названий, восходивших к именам членов царской семьи, вводя вместо них посвящения новым вождям [4, с. 583]. По итогам Великой Отечественной войны замена старых топонимов на новые мемориальные приобрела иную функцию – подкрепления консолидации общества после присоединения к СССР новых земель [5, с. 88]. В ходе дальнейшей советской истории мемориальные топонимы легко подвергались ускоренным заменам при изменениях статуса увековечиваемых деятелей [6]. Несмотря на сформировавшееся к 80-м годам прошлого века неприятие подобных номинаций, на рубеже XX–XXI вв. они снова стали востребованными в большинстве топонимических систем страны [1, с. 168].

На протяжении XX в. мемориальные топонимы стали восприниматься в европейском обществе как средство сакрализации личности, фамилия которой закрепляется в конкрет-

¹ Святославский А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. С. 10–14.

ной номинации [7, с. 201–205], и как инструмент конструирования ценностной системы культуры [8, с. 56]. Однако подобные представления допускают вариации, например, когда определенные топонимы, наоборот, служат своеобразным предостережением, поскольку они посвящаются людям, деятельность которых связывается в общественном сознании с негативными или трагическими аспектами истории того или иного государства [9, с. 245].

В настоящее время мемориальные топонимы классифицируются исследователями по самым различным критериям:

- по типу пространственного объекта, подлежащего номинации, возможно выделение мемориальных ойконимов, мемориальных урбанонимов, а также мемориальных имен разнообразных природных объектов;

- по типу увековечиваемого феномена в широком смысле этого слова различаются личностные, групповые и событийные посвящения²;

- в свою очередь, личностные топонимы могут подразделяться по роду деятельности людей, от фамилий которых они образованы; так, в лингвистике отдельно изучаются героические топонимы [10] и географические названия в честь писателей³;

- кроме того, свою специфику имеют мемориальные топонимы, локализованные на картах различных регионов (см. примеры анализа мемориальных номинаций г. Сталинграда [11] и г. Челябинска [12]).

Подобно многим другим языковым единицам, мемориальные топонимы могут стать предметом лингвостатистического анализа. Сама мысль о том, что ономастика как часть словарного состава языка подчиняется законам языкового развития, в том числе характеризуется внутренней зависимостью между качественными и количественными характеристиками и функционирует по статистическим законам [13, с. 42], высказывалась исследователями. Уже в работе А.В. Суперанской упоминается о возможности сравнения топонимических моделей нескольких синхронных срезов с последующим выявлением тенденций в трансформации топонимической системы [14, с. 120].

Вместе с тем квантитативные исследования топонимов с применением более сложных методов анализа, чем элементарные количественные подсчеты, не получили в ономастике широкого распространения. В частности, современными примерами математического анализа урбанонимов могут служить статья чешских лингвистов Т. Клеменсовой и М. Мистески, в которой высчитывается доля мемориальных названий в различных городах Чехии [15], и работы А.М. Мезенко⁴ (например, научное описание названий улиц в аспекте «ранг – частота», когда устанавливается характер зависимости между абсолютной частотностью урбанонима и номером его позиции в тематическом частотном списке).

В рассматриваемом контексте использование классического инструментария лингвостатистики обещает ономатологу выявление новых закономерностей функционирования имен собственных за счет нового взгляда на привычное лингвистическое явление.

² Ильин Д.Ю. Меморативный лингвистический код в топонимическом пространстве города // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации. Орел: Орлов. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2022. С. 156.

³ Мезенко А.М. Урбанонимы и виконимы белорусско-российского пограничья в честь русских писателей в аспекте «ранг – частота» // XVIII Поливановские чтения: сб. статей по материалам докладов и сообщений Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Смоленск, 14–15 ноября 2024 г. Смоленск: СмолГУ, 2024. С. 156–162.

⁴ Там же.

Материалы и методы

Целью настоящей статьи является сопоставление системы мемориальных урбанонимов Калининградской области (далее – КО), которая представляет собой результат сплошных переименований 1946 г., последовавших за включением территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии в состав Советского Союза, с усредненной моделью мемориальных урбанонимов Центрального федерального округа (далее – ЦФО), полученной с привлечением методов лингвостатистики. При этом в число проанализированных урбанонимов из всего возможного спектра названий городских объектов включались лишь названия улиц, площадей и переулков, поскольку только они были затронуты в КО массовыми послевоенными реноминациями.

При расчетах мы опирались на алгоритм лингвостатистического исследования, изложенный в работе Б.Н. Головина [16], то есть после вычисления средней выборочной частоты по итогам количественного анализа десяти выборок для каждого из отобранных параметров нами подсчитывалась вероятная ошибка в определении средней частоты как величина, позволяющая установить тот интервал, в пределах которого должна находиться действительная средняя. Затем рассчитывалось значение так называемого хи-квадрат критерия, на основании которого зарегистрированные колебания частот оценивались либо как существенные и статистически незакономерные (и в этом случае соответствующий параметр расчетов исключался из дальнейшего рассмотрения и не сопоставлялся с показателем по КО), либо как случайные и, следовательно, статистически закономерные, а значит, действительно характеризующие ситуацию с внедрением мемориальных урбанонимов в городах ЦФО. Во втором случае сравнение с ситуацией в КО может считаться правомерным, и в полном соответствии с теорией вероятностей, на формулах которой основывается классический лингвостатистический анализ, выводы, сделанные на основе нескольких выборок из генеральной совокупности, можно с высокой степенью надежности переносить на всю генеральную совокупность (то есть на всю систему мемориальных урбанонимов ЦФО).

Сам факт сопоставления калининградской урбанонимии именно с урбанонимией Центральной России объясняется тем, что наша гипотеза заключается в неосознанном следовании инициаторами послевоенных переименований в регионе при разовой сплошной номинации всех линейных городских объектов тем тенденциям в постепенном образовании урбанонимических систем, которые были отмечены в районах выхода первых переселенцев в недавно присоединенную КО и могут иметь четко сопоставимое количественное выражение. При этом упомянутые переселенцев главным образом являлись выходцами из центральных областей РСФСР [17, с. 31].

Поскольку выборки в лингвостатистике зачастую формируются случайным образом, то отбор конкретных урбанонимов для количественного анализа осуществлялся с опорой на материалы сайта, содержащего перечни названий улиц, переулков и площадей в крупных городах России (I), однако для адекватного сопоставления с калининградской мемориальной урбанонимией факт обязательного использования географического названия во времена сплошных переименований улиц КО перепроверялся с привлечением карт этих городов, составленных в 40-е годы XX в. (II). При трактовке семантики отобранных номинаций из десяти областей ЦФО (Белгородской, Брянской, Воронежской, Калужской, Курской, Липецкой, Орловской, Смоленской, Тамбовской и Тульской) широко использовались местные справоч-

ники по краеведению⁵. Источниками данных для случайного отбора 1 000 урбанонимов КО послужили архивные документы (III–V), включающие информацию об актах первичного переименования в самом Калининграде и других городах области, а также доступные в сети Интернет планы калининградских городов и отдельные комментарии к неточностям в архивных материалах, сделанные краеведом А.Б. Губиным [18]. Изменения урбанонимов во вторую волну местных реноминаций в нашем исследовании не учитывались.

Изначально при подготовке выборок у нас были сомнения по поводу целесообразности объема в 1 000 единиц, поскольку при этом был неизбежен выход за пределы ограниченных урбанонимических систем отдельных областных центров, для лингвостатистического анализа которых больше подошел бы объем в 500 единиц. Ранее проведенные исследования урбанонимов ЦФО (в частности, работа Р.В. Разумова [19]) показали, что в городах различных типов (столичных, провинциальных больших и провинциальных малых, полиэтнических, молодых и т. п.) складываются принципиально разные модели систем урбанонимов, то есть объединение в рамках одной выборки названий улиц из областного центра и других городов той же области могло не подчиняться единым закономерностям. По указанной причине все подсчеты по описанному выше алгоритму Б.Н. Головина проводились в программе Excel сначала на материале малых выборок в 500 единиц, а затем на материале расширенных выборок в 1 000 единиц. В результате было обнаружено лишь одно существенное отличие малых выборок: только абсолютное количество личностных мемориальных урбанонимов в областных центрах, в противовес общерегиональным урбанонимическим системам, подчиняется на уровне ЦФО специфической статистической закономерности.

В обозначенной связи было принято окончательное решение в пользу применения расширенных выборок, поскольку опора на более обширные количественные данные, по мнению современных специалистов в области квантитативной лингвистики (например, [20]), обеспечивает более высокий уровень релевантности лингвостатистических измерений. В нашем случае вычисления проводились с привлечением 44 возможных параметров описания мемориальных урбанонимов, все из которых (кроме параметра «общее число мемориальных урбанонимов») группировались парами, предполагая сначала подсчет средних частот в абсолютных показателях, а затем средних долей в процентах. Для подобной параметризации каждый изученный мемориальный урбаноним изначально получил четыре характеристики в зависимости от того, является ли он личностным, групповым или событийным посвящением; образован ли он от фамилии человека или от названия события, имеющего то или иное отношение к региону своей локализации («местный» или «неместный»); увековечивает ли он советское, российское досоветское или зарубежное событие (или личность); а несобытийные урбанонимы – также в зависимости от рода деятельности личности (в частности, писатель, революционер или военный). На основе такого четырехаспектного описания становится понятно, что, например, урбаноним, производный от фамилии Иммануила Канта, одновременно понимался как личностное посвящение, как посвящение местным людям (поскольку философ проживал на территории Северо-Восточной Пруссии), как посвящение иностранцу и как название в честь выдающегося ученого. Урбанонимы – посвящения географическим объектам получали характеристику «местный объект» или

⁵ См., например, *Гончаренко Ю.И.* Улицы и площади Белгорода. Белгород: Константа, 2009. 166 с.; *Богданов В.Л.* Административно-территориальное деление и улицы города Курска. Курск: Афанасьева Е.А., 2018. 202 с.

«неместный объект», а в последнем случае дополнительно указывался федеральный округ происхождения объекта для посвящения.

Подсчеты показали, что 16 параметров описания мемориальных урбанонимов в ЦФО подчиняются статистическим законам (остальные параметры были исключены из-за несоответствия хи-квадрат критерия заданным значениям), но только четыре из них («посвящения выдающимся иностранцам», «посвящения политическим деятелям», «посвящения композиторам» и «посвящения событиям досоветской истории страны») выражались в абсолютных показателях. Более того, содержательные дубли всех этих параметров, кроме последнего, рассчитанные в процентах, также оказались статистически закономерными. В итоге был сделан вывод о целесообразности сравнения урбанонимов ЦФО с урбанонимами КО только на основании 13 параметров, 12 из которых выражаются в относительных показателях.

Результаты и обсуждение

Все 13 параметров, по которым проходило квантитативное сопоставление мемориальных урбанонимов КО и ЦФО, можно четко разделить на три предсказуемые группы:

1) 4 параметра, по которым урбанонимические системы КО и ЦФО практически не различаются, поскольку соответствующий количественный показатель по КО вписывается в интервал, в пределах которого колеблется действительная средняя частота по ЦФО;

2) 5 параметров, по которым наблюдается количественное превосходство КО, так как показатель выходит за пределы верхней границы рассчитанного интервала;

3) 4 параметра, по которым показатель КО, напротив, выходит за пределы нижней границы рассчитанного интервала.

Для наглядности представим распределение параметров и соответствующие примеры урбанонимов в виде таблицы (см. табл. 1). Оговорим заранее, что в колонке «Данные по 10 выборкам ЦФО» напротив каждого параметра приводится количество реализующих его примеров урбанонимов в каждой из изученных областей ЦФО в той последовательности, в которой эти области были перечислены выше при характеристике материала исследования.

Табл. 1. Сравнение мемориальных урбанонимов КО и ЦФО по статистически закономерным параметрам

Table 1. Comparison of memorial urbanonyms in the Kaliningrad region and the Central Federal District based on statistically consistent parameters

Параметр	Данные по 10 выборкам ЦФО	Интервал по ЦФО	Примеры урбанонимов из ЦФО	Показатель по КО	Примеры урбанонимов из КО
КО = ЦФО					
Доля посвящений политическим деятелям в общем количестве личностных урбанонимов (далее – ОКЛЮ)	10 % – 15 % – 10 % – 12 % – 15 % – 10 % – 10 % – 16 % – 16 % – 11 %	11–15 %	ул. Безрядина (Воронеж), ул. Калинина (Курск), ул. Бабарыкина (Тамбов)	11 %	ул. Тельмана (Калининград), ул. Кирова (Черняховск), ул. Петра Первого (Советск)

Продолжение табл. 1 / Table 1 (continued)

Доля посвящений писателям в ОКЛУ	18 % – 19 % – 15 % – 21 % – 17 % – 19 % – 22 % – 17 % – 24 % – 21 %	17.2–20.8 %	ул. Жуковского (Брянск), ул. Гоголя (Калуга), ул. Гайдара (Курск)	20 %	ул. Фурманова (Калининград), ул. Чехова (Советск), ул. Тургенева (Зеленоградск)
Абсолютное количество посвящений событиям досоветской истории страны	1–2–2–1–1–3–1–5–1–0	1–3	ул. 9 Января (Брянск), ул. Ленских Событий (Смоленск), ул. Революции 1905 года (г. Грязи Липецкой области)	2	ул. 1812 года (Калининград), ул. Полтавская (Балтийск)
Доля посвящений неместным географическим объектам из РСФСР в общем количестве посвящений неместным географическим объектам	61 % – 66 % – 63 % – 71 % – 75 % – 75 % – 84 % – 65 % – 92 % – 88 %	66–81 %	пер. Волгоградский (Брянск), ул. Уренгойская (Курск), ул. Астраханская (Липецк)	72 %	ул. Сталинградская (Советск), ул. Саратовская (Калининград), ул. Барнаульская (Калининград)
КО > ЦФО					
Доля событийных урбанонимов в общем количестве мемориальных урбанонимов	5 % – 10 % – 9 % – 6 % – 7 % – 10 % – 6 % – 10 % – 9 % – 9 %	6.7–9.3 %	ул. 30 лет ВЛКСМ (Липецк), ул. 8 Марта (Тамбов), ул. 9 Мая (Тула)	11 %	пл. Победы (Калининград), ул. Октябрьская (Зеленоградск), ул. Первомайская (Гусев)
Доля посвящений выдающимся иностранцам в ОКЛУ	2 % – 8 % – 4 % – 8 % – 8 % – 5 % – 3 % – 6 % – 7 % – 5 %	5–7 %	ул. Дарвина (Брянск), ул. Анри Барбюса (Воронеж), ул. Карла Либкнехта (Тула)	12 %	ул. Карла Маркса (Калининград), ул. Бетховена (Гусев), ул. Энгельса (Гвардейск)
Доля посвящений военным в ОКЛУ	34 % – 29 % – 31 % – 23 % – 27 % – 32 % – 40 % – 34 % – 21 % – 24 %	26–34 %	ул. Гастелло (Брянск), ул. Генерала Попова (Калуга), ул. Земнухова (Орел)	36 %	ул. Ватутина (Калининград), ул. Багратиона (Правдинск), ул. Матросова (Советск)
Доля посвящений деятелям искусства в ОКЛУ	8 % – 4 % – 9 % – 2 % – 4 % – 6 % – 4 % – 4 % – 8 % – 6 %	4–8 %	ул. Квасова (Белгород), ул. Айвазовского (Воронеж), ул. Ладыгина (Тамбов)	17 %	ул. Глазунова (Калининград), ул. Сурикова (Калининград), ул. Шишкина (Калининград)
Доля посвящений композиторам в ОКЛУ	3 % – 2 % – 3 % – 1 % – 1 % – 2 % – 2 % – 2 % – 4 % – 2 %	1.4–2.6 %	ул. Глинки (Орел), ул. Даргомыжского (Смоленск), ул. Сергея Рахманинова (Тамбов)	7 %	ул. Вагнера (Калининград), ул. Шуберта (Калининград), ул. Чайковского (Балтийск)

Окончание табл. 1 / End of Table 1

КО < ЦФО					
Доля коллективных посвящений в общем количестве мемориальных урбанонимов	8 % – 6 % – 16 % – 8 % – 9 % – 6 % – 4 % – 12 % – 7 % – 7 %	5.7–10.3 %	пр-д Автомоби-листов (Белгород), ул. Изобрета-телей (Калуга), ул. Бойцов 9-й Дивизии (Курск)	2 %	ул. Чекистов (Калининград), пл. Героев (Калининград), ул. Офицерская (Неман)
Доля посвящений революционерам в ОКЛУ	8 % – 15 % – 12 % – 13 % – 17 % – 9 % – 8 % – 11 % – 11 % – 15 %	10–14 %	ул. Кропоткина (Калуга), ул. Вольнова (Орел), ул. Бундурина (Тула)	7 %	ул. Щорса (Калининград), ул. Баумана (Гусев), ул. Орджоникидзе (Черняховск)
Доля посвящений местным людям в ОКЛУ	46 % – 26 % – 51 % – 45 % – 39 % – 32 % – 54 % – 40 % – 37 % – 43 %	35–47 %	ул. Василия Ерошенко (Белгород), ул. Воробьева (Курск), ул. Артемова (Липецк)	5 %	ул. Канта (Калининград), ул. Черняховского (Озерск), ул. Полецкого (Полесск)
Доля посвящений ученым в ОКЛУ	12 % – 8 % – 14 % – 11 % – 11 % – 12 % – 9 % – 8 % – 10 % – 10 %	8–12 %	ул. Бехтерева (Воронеж), ул. Академика Петрова (Смоленск), ул. Ломоносова (Орел)	6 %	ул. Менделеева (Калининград), ул. Коперника (Калининград), ул. Тимирязева (Советск)

Как видно из таблицы, количественное превосходство урбанонимической системы КО принадлежит посвящениям деятелям искусства (художникам, архитекторам, скульпторам, актерам, певцам и композиторам). В связи с большим количеством названий калининградских улиц в честь композиторов доля мемориальных урбанонимов такого рода была рассмотрена как отдельный параметр, по которому также было зафиксировано очевидное различие: на наш взгляд, оно является прямым следствием изначального стремления инициаторов послевоенных переименований к переводу исходных немецкоязычных урбанонимов, напоминающих о вкладе немецких композиторов в сокровищницу мирового искусства (впоследствии многие из них были заменены на названия, в большей степени отвечающие идеологии советского государства).

По обозначенной причине в КО имеется больше урбанонимов – посвящений выдающимся иностранцам (преимущественно немецким и австрийским композиторам). Что касается названий улиц исследуемого региона, восходящих к фамилиям военных, то их преобладание на фоне соответствующих показателей по ЦФО легко объясняется тем обстоятельством, что частью РСФСР КО стала как раз после завершения военных действий на ее территории.

Самое существенное количественное «отставание» системы мемориальных урбанонимов КО от урбанонимии ЦФО, согласно данным табл. 1, наблюдается в отношении посвящений местным жителям, то есть тем выдающимся личностям, чья судьба была связана с городом, в котором появились увековечивающие их названия. Крайне низкая доля таких номинаций в ОКЛУ КО оказалась вполне предсказуемой по причине молодости региона, в историю которого успели войти только участники Восточно-Прусской наступательной операции и событий XIX в., имевших место в г. Тильзите.

По нашему мнению, для получения более полной картины при сопоставлении мемориальных урбанонимов КО и ЦФО важно обратить внимание и на те параметры сравнения, которые не подчиняются статистическим закономерностям применительно к Центральной России. Отметим, что такая статистическая незакономерность обусловлена уникальностью в определенном отношении регионов, отобранных для настоящего исследования. Так, по параметру «общее количество мемориальных урбанонимов» заметно лидируют Воронежская и Липецкая области, где зафиксированы 411 и 443 единицы соответственно при среднем количестве единиц, колеблющемся около 332. В Смоленской области зарегистрирована более высокая доля посвящений событиям досоветской истории страны в общем количестве событийных урбанонимов (15 % при примерно 6 % в других областях), а процент посвящений местным событиям особенно высок в Белгороде (25 % от общего количества событийных урбанонимов).

Однако при всей условности и «неправомерности» сравнения КО и ЦФО по параметрам, не подчиняющимся действиям статистических законов, нельзя не упомянуть об очевидном сходстве мемориальных урбанонимических систем даже по этим параметрам. Табл. 2 показывает, что средняя частота урбанонимов по ЦФО является приблизительно равной аналогичному показателю по КО.

Табл. 2. Сравнение мемориальных урбанонимов КО и ЦФО по статистически незакономерным параметрам

Table 2. Comparison of memorial urbanonyms in the Kaliningrad region and the Central Federal District based on parameters that are statistically inconsistent

Параметр	Данные по 10 выборкам ЦФО	Средняя частота по ЦФО	Примеры урбанонимов из ЦФО	Показатель по КО	Примеры урбанонимов из КО
Общее количество мемориальных урбанонимов	320–302–411–319–219–443–300–324–284–397	332	ул. <i>Аристарховой</i> (Курск), ул. <i>Булнина</i> (Орел), ул. <i>Владимира Михайлова</i> (Тамбов)	337	ул. <i>Горького</i> (Калининград), ул. <i>Шевчука</i> (Полесск), ул. <i>Зои Космодемьянской</i> (Гусев)
Доля посвящений событиям досоветской истории страны в общем количестве событийных урбанонимов	6 % – 6 % – 6 % – 6 % – 7 % – 7 % – 6 % – 15 % – 4 % – 0 %	6 %	Примеры из табл. 1 (аналогичный параметр в абсолютных показателях)	5 %	Примеры из табл. 1 (аналогичный параметр в абсолютных показателях)
Доля посвящений местным событиям в общем количестве событийных урбанонимов	25 % – 13 % – 11 % – 6 % – 0 % – 0 % – 11 % – 6 % – 4 % – 6 %	8 %	ул. <i>50-летия Белгородской Области</i> (Белгород), ул. <i>17 Сентября</i> (Брянск), ул. <i>5 Августа</i> (Орел)	6 %	ул. <i>10 апреля</i> (Калининград), площадь <i>Балтийской Славы</i> (Балтийск)

Заключение

Проведенное количественное исследование показало, что мемориальная урбанонимия ЦФО по большинству параметров подчиняется выраженным статистическим закономерностям. Это наблюдение позволяет нам сделать вывод о том, что сходные количественные признаки будут свойственны и другим выборкам из генеральной совокупности мемориальных урбанонимов Центральной России, составленным случайным образом из ономастического материала других областей рассмотренного округа, а также будут присущи в целом результатам номинативной деятельности человека в регионах, обладающих аналогичными культурными особенностями. Наиболее показательны в обозначенном плане данные лингвостатистики в отношении рода занятий тех людей, фамилии которых закрепляются в названиях улиц ЦФО: доли посвящений представителям разных профессий оказались на изученных территориях статистически закономерными.

Совпадения количественных характеристик калининградской мемориальной урбанонимии с количественной моделью мемориальной урбанонимии центральной части государства, в состав которого были включены земли Северо-Восточной Пруссии, носят вполне очевидный характер. Даже при большей или меньшей частоте случаев реализации некоторых из проанализированных параметров в КО, как правило, отмечаются лишь незначительные отклонения от соответствующих показателей по ЦФО.

В целом необходимо отметить два наиболее существенных количественных отличия между двумя сравниваемыми урбанонимическими системами:

1) в КО в ходе первой кампании по переименованию 1946 г. улицам и площадям более активно, чем в ЦФО, присваиваются имена деятелей искусства; создается впечатление вполне сознательного (правда, никак не подтвержденного документально) влияния инициаторов переименования на картину мира переселенцев, в которую закладывается представление о значимости культурного аспекта в жизни общества;

2) в связи с объективными обстоятельствами формирования урбанонимии КО в ней почти не увековечивались фамилии местных жителей, однако примечательно само стремление соответствовать в обозначенном отношении тенденциям, действовавшим в местах выхода первых советских жителей области.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- I. Карты крупных городов по регионам России. URL: <https://city-address.ru>, свободный.
- II. Старые карты России и Зарубежья. URL: <https://retromap.ru>, свободный.
- III. Государственный архив Калининградской области. Ф. 310. Оп. 1. Д. 1: Материалы о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда. Л. 1–32.
- IV. Приказ Управления по гражданским делам Советского района № 152 от 12.12.1946 г. // Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 2: Приказы Управления по гражданским делам Советского района Калининградской области. С. 198–200.
- V. Приказ Управления по гражданским делам Хайнрихсвальдского района № 2 от 30.07.1946 г. // Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2: Приказы Управления по гражданским делам Славского района. С. 5–7.

Литература

1. Разумов Р.В. Современная концепция урбанонима в России // Ярослав. пед. вестн. 2012. Т. 1, № 2. С. 166–170.
2. Качалкова Ю.А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопр. ономастики. 2013. № 1 (14). С. 88–104.
3. Голомидова М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 11–30. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).11-30](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30).
4. Котельникова К.В. Влияние социальных факторов на развитие топонимов в немецком языке // Вестн. Башк. ун-та. 2014. Т. 19, № 2. С. 582–586.
5. Русия Т.Н. Персоналистские образы в политике идентичности на локальном уровне // Южно-российский журн. социальных наук. 2022. Т. 23, № 1. С. 81–95. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-81-95>.
6. Ворошилин С.И. Топонимические войны – насильственная смена топонимов вследствие войн и революций (часть 2) // Вопр. всеобщей истории. 2012. № 14. С. 145–164.
7. Рыжков А.Б. Сакрализация мемориальной топонимии в общественном сознании // Вопр. географии. 2018. № 146. С. 200–208.
8. Ran A. Historical narratives and public memory in urban space: Street names and (re)naming practices of the Hankow Concession // Names. 2026. V. 74, No 1. P. 44–60. <https://doi.org/10.5195/names.2026.2763>.
9. Crivellari F. Prekäre Erinnerungsorte: Straßen als Medien der Erinnerungskultur – mit einem Beispiel aus Konstanz // Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensees und seiner Umgebung. 2013. Bd. 131. S. 243–266.
10. Попов С.А., Герасимова К.М. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в ономастическом пространстве России // Верхневолж. филол. вестн. 2020. № 4. С. 89–98. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-89-98>.
11. Антоненко Н.С. Личностные меморативы в годонимической системе Сталинграда // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 5. С. 183–190. https://doi.org/10.52452/19931778_2023_5_183.
12. Питуина С.А., Таскаева А.В. Социально-культурные тенденции и особенности коммеморации в локальной годонимии (на примере годонимов Челябинска) // Вестн. ЧелГУ. 2025. № 9. С. 99–106. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-503-9-99-106>.
13. Ефимова Е.М. Применение вероятностно-статистической методики при изучении ономастики в ее историческом развитии (на примере полногласных и неполногласных именовании) // Вопр. ономастики. 1983. № 16. С. 42–44.
14. Суперанская А.В. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы города Москвы // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. М.: Наука, 1964. С. 119–121.
15. Klemensová T., Mistecký M. The workings behind the commemorative motive in Czech urban names // Names. 2025. V. 73, No 4. P. 21–39. <https://doi.org/10.5195/names.2025.2666>.
16. Головин Б.Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971. 190 с.
17. Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 263 с.
18. Губин А.Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. № 5. С. 139–196.
19. Разумов Р.В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 4. С. 121–125.
20. Кащеева А.В. Квантитативные и качественные методы исследования в прикладной лингвистике // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3. С. 155–162.

References

1. Razumov R.V. The modern concept of urbanonym in Russia. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 166–170. (In Russian)
2. Kachalkova Yu.A. Urbanonymic space of contemporary Yekaterinburg (official names). *Voprosy Onomastiki*, 2013, no. 1 (14), pp. 88–104. (In Russian)
3. Golomidova M.V. Urbanonyms as a resource for managing the perception of urban space. *Kommunikativnye Issledovaniya*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 11–30. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).11-30](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30). (In Russian)
4. Kotel'nikova K.V. The influence of social factors on the evolution of toponyms in German. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2014, vol. 19, no. 2, pp. 582–586. (In Russian)
5. Rusiya T.N. Personalist images in identity politics at the local level. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 81–95. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-81-95>. (In Russian)
6. Voroshilin S.I. Toponymic wars – renaming forced by wars and revolutions (part 2). *Voprosy Vseobshchei Istorii*, 2012, no. 14, pp. 145–164. (In Russian)
7. Ryzhkov A.B. The sacralization of memorial toponyms in social consciousness. *Geography Issues*, 2018, no. 146, pp. 200–208. (In Russian)
8. Ran A. Historical narratives and public memory in urban space: Street names and (re)naming practices of the Hankow Concession. *Names*, 2026, vol. 74, no. 1, pp. 44–60. <https://doi.org/10.5195/names.2026.2763>.
9. Crivellari F. Prekäre Erinnerungsorte: Straßen als Medien der Erinnerungskultur – mit einem Beispiel aus Konstanz. *Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensees und seiner Umgebung*, 2013, Bd. 131, S. 243–266. (In German)
10. Popov S.A., Gerasimova K.M. Preserving the memory of the Great Patriotic War in the Russian onomastic space. *Verhnevolzhskii Philological Bulletin*, 2020, no. 4, pp. 89–98. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-89-98>. (In Russian)
11. Antonenko N.S. Personal memoratives in the system of Stalingrad's hodonyms. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2023, no. 5, pp. 183–190. https://doi.org/10.52452/19931778_2023_5_183. (In Russian)
12. Pitina S.A., Taskaeva A.V. Socio-cultural trends and commemorative practices in the system of local hodonyms (a case study of street names in Chelyabinsk). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2025, no. 9, pp. 99–106. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-503-9-99-106>. (In Russian)
13. Efimova E.M. Probabilistic and statistical methods in the study of onomastics and its historical development (based on plephonic and non-plephonic names). *Voprosy Onomastiki*, 1983, no. 16, pp. 42–44. (In Russian)
14. Superanskaya A.V. Applying linguistic statistical methods to study the toponymic system of Moscow. In: *Lingvisticheskaya terminologiya i prikladnaya toponomastika* [Linguistic Terminology and Applied Toponymy]. Moscow, Nauka, 1964, pp. 119–121. (In Russian)
15. Klemensová T., Mistecký M. The workings behind the commemorative motive in Czech urban names. *Names*, 2025, vol. 73, no. 4, pp. 21–39. <https://doi.org/10.5195/names.2025.2666>.
16. Golovin B.N. *Yazyk i statistika* [Language and Statistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1971. 190 p. (In Russian)
17. Kostyashov Yu.V. *Povsednevnost' poslevoennoi derevni: Iz istorii pereselencheskikh kolkhozov Kaliningradskoi oblasti 1946–1953 gg.* [Everyday Life in the Post-War Rural Settlements: From the History of Resettles in Collective Farms of the Kaliningrad Region in 1946–1953]. Moscow, Polit. Entsikl., 2015. 263 p. (In Russian)
18. Gubin A.B. Toponymy of Kaliningrad. *Kaliningradskie Arkhivy*, 2003, no. 5, pp. 139–196. (In Russian)

19. Razumov R.V. Typology of urbanonymic system models in the Russian Federation. *Vestnik of Kostroma State University*, 2016, vol. 22, no. 4, pp. 121–125. (In Russian)
20. Kashcheeva A.V. Quantitative and qualitative methods of research in applied linguistics. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 2013, no. 3, pp. 155–162. (In Russian)

Информация об авторе

Ольга Викторовна Петешова, кандидат филологических наук, доцент, доцент Высшей школы лингвистики, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

E-mail: Opeteshova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2902-5135>

Author Information

Olga V. Peteshova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Higher School of Linguistics, Immanuel Kant Baltic Federal University

E-mail: Opeteshova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2902-5135>

Поступила в редакцию 11.09.2025

Поступила после рецензирования 27.04.2026

Принята к публикации 27.04.2026

Received September 11, 2025

Revised April 27, 2026

Accepted April 27, 2026